

◀ *Перед зеркалом.
За чтением письма*
1870
Холст, масло. 58 × 39
Фрагмент
Частное собрание

◀ *In Front of the Mirror.
Reading a Letter.* 1870
Oil on canvas
58 × 39 cm (detail)
Private collection

Галина Чурак

«ЖАНР» ИВАНА ШИШКИНА

Поиски и находки

*Е. А. Шишкина,
жена художника*
Фотография
Начало 1870-х

*Yevgenia Shishkina, the
Artist's Wife*
Photo. Early 1870s

И. И. Шишкин
Фотография
Начало 1870-х

Ivan Shishkin
Photo. Early 1870s

Творческое наследие таких гигантов отечественной живописи, как Василий Суриков, Виктор Васнецов, Илья Репин, Иван Шишкин, изучено, исследовано и интерпретировано, казалось бы, настолько исчерпывающе, что, говоря словами Шишкина, «выучил все и учить больше нечего». Однако тем и увлекательна жизнь музейного исследователя, что обстоятельства время от времени дарят неожиданные и радостные встречи с работами известных художников, прочно забытыми и затерянными во времени либо вовсе непривычными для творчества того или иного мастера.

Для встреч с «новым Репиным», «новым Шишкиным» или «новым Васнецовым» в наше время существует благоприятная возможность. Антикварный рынок в последние полтора–два десятилетия ввел в художественный оборот множество произведений, бытовавших в частных коллекциях, «дремавших» до поры до времени и ждавших того момента, когда для них начнется новая жизнь.

Стихия рынка подчас преподносит горькие неожиданности с намеренными фальсификациями и подделками самого изощренного свойства, вводящими в заблуждение серьезных и опытных специалистов. Тем ответственнее становится момент, когда происходит встреча с неведомой до той поры подлинной картиной известного мастера.

Galina Churak

IVAN SHISHKIN'S OTHER GENRE

The story of a search - and its findings

И.И.Шишкин
и А.В.Гинэ
в мастерской
на острове
Валааме. 1860
Этюд
Бумага, масло
29 × 36,5
ГРМ

*Shishkin and Giné
in Their Studio
on Valaam. 1860*
Study
Oil on paper
29 × 36.5 cm
Russian Museum

The artistic legacy of outstanding Russian painters such as Vasily Surikov, Viktor Vasnetsov and Ilya Repin – and another master from the same tradition, Ivan Shishkin – seems to have been studied, explored and expounded so thoroughly that, to use Shishkin's words, “everything has been learned, and there is no more learning to be done”. However, museum researchers sometimes enjoy unexpected encounters with works by these masters that have been long forgotten and/or believed lost, or have a style unusual for them and here is the story of our search and findings.

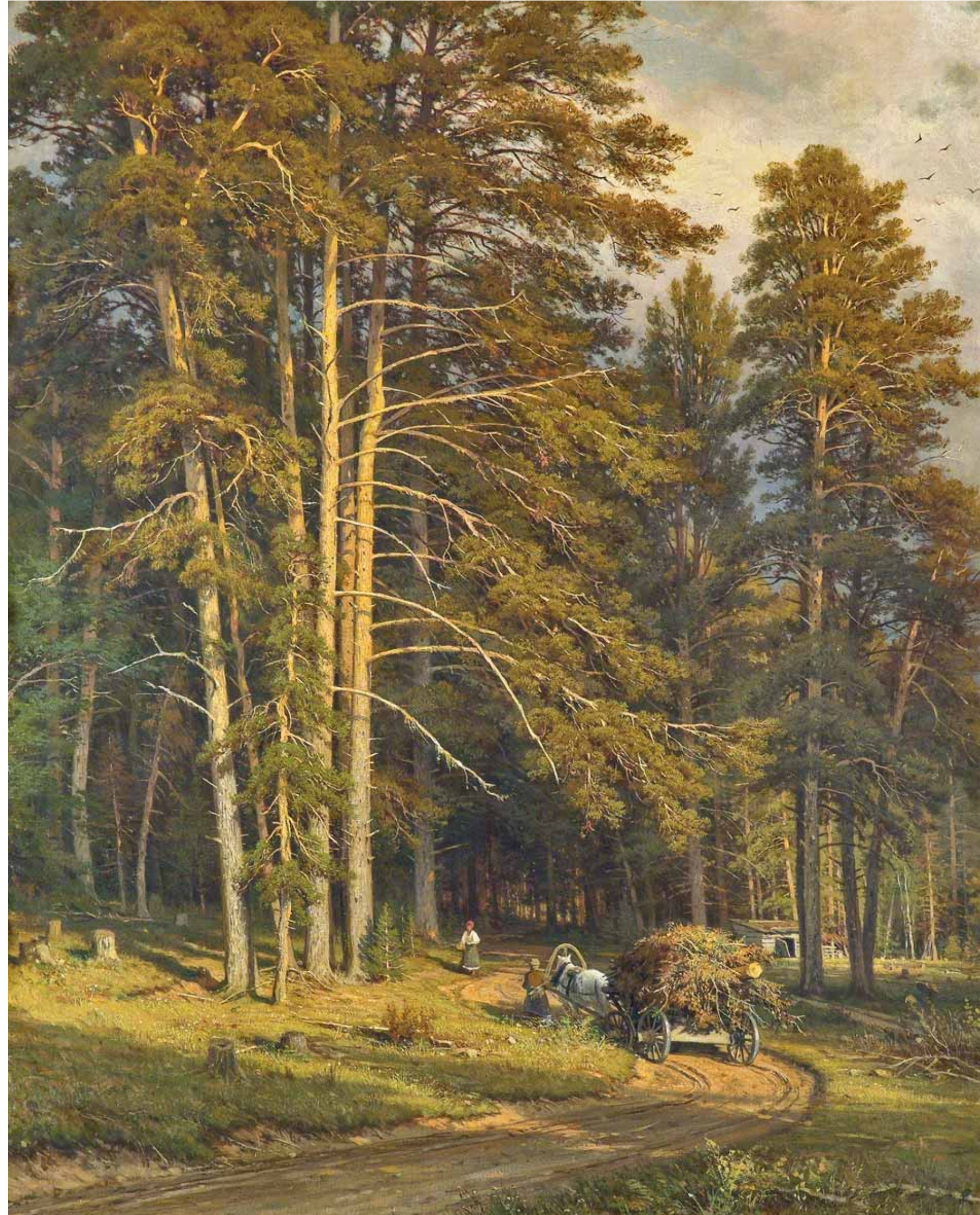
Today the chances are great that you may come across a “new Repin”, “new Shishkin” or “new Vasnetsov”. Over the last 15-20 years the art market has seen the appearance of many pieces from private collections that were “sleeping” before a certain moment, “biding their time” as they waited for a new life.

The market can offer unpleasant surprises, too, such as very sophisticated art frauds and fakes that deceive the most knowledgeable and reliable experts. That factor only adds to the importance of the discovery of a genuine, previously unknown piece by a well-known painter.

I first saw this small picture signed “I.Shishkin”, on a computer screen. Much in it, most of all the subject, was unusual for Shishkin. Seated in front of a big window in a room suffused with sunlight, a

Лесная дорога ▶
1871–1872
Холст, масло
102,3 × 78,7
Частное собрание

Forest Road ▶
1871–1872
Oil on canvas
102.3 × 78.7 cm
Private collection

young woman reads a letter. Her dress, hair style, and the details of the surroundings suggested that the piece was set in the 1860s or the early 1870s. The date inscribed on the painting — 1870 — did not conflict in the least with the setting and the young woman’s appearance. And yet, was the painting really a work by Shishkin, the landscape artist distinguished for his forest scenes? I needed to see the real painting, to hold it, to “finger” it with the eye, to compare its style and techniques with those of the master’s proven authentic works, and then to answer the key question — is it a Shishkin or not? And then to try to learn how it happened that the “hymnist of the forest” produced a “household scene” so unusual for him? It would have been so easy to brush aside the picture right away, saying that Shishkin did not paint household scenes. But professional curiosity urged this writer to look into the issue as carefully as possible and to follow through on it — and to utter confidently the affirmative “yes” or the negative “no”, only at the end of the journey.

Regrettably, the picture was being kept outside Moscow, so I could not place it side by side with and compare it to Shishkin’s other works, but circumstances were auspicious and I had a chance to see and carefully study the picture.

The first overall impression was that it was authentic. This confidence came from the warm golden palette of the household scene which was similar to the artist’s favorite colour schemes, especially those he used at the beginning of his career. The colours evoked a phrase from a letter Shishkin wrote to his parents in

Elabuga about his landscape “A View Near St. Petersburg” (1856, in the Russian Museum), when he was a student at the Fine Arts Academy: he “wanted to render the warmth and translucence of the air, the impact of the sun on objects”.¹ Precisely this quality of the “warmth of the air” transfiguring a most ordinary household setting lends very great charm to the objects depicted and the picture in its entirety. The image owes much of its appeal to the figure of the young woman holding a letter; her face is suffused with light, which lightens up the dark dress and casts reflections on the floor. This light, as well as the modest pieces of furniture, the pictures on the walls, green plants on a windowsill, and a shawl crumpled on a couch give the room a cozy look.

However important, such a first impression cannot be the sole proof of a picture’s authorship; an interior scene with a human figure, this small but charming piece was unusual for the notable landscape master’s legacy. This circumstance complicated the task of directly comparing the narrative and composition of the picture with those of Shishkin’s similar or kindred pieces. Only a careful scrutiny of the picture’s visual techniques could reveal similarities, if there were any, between the picture and other paintings. Close study showed that the brushwork, the application of the brush along the contours of objects, the specifics and diversity of the texture were comparable with and similar to the style of Shishkin’s authentic works. The layer of paints had thinned out over the years exposing, in certain places, the penciled

delineations of a preparatory sketch which became strongly visible in the folds of the white curtains, in the general lineaments of the female figure, and in the details of the interior setting “built up” by the artist yet in the early stage of his work.

Landscapes on the walls of the room, similar in style to Shishkin’s works, were an important pointer to the authenticity of the unusual piece — this is especially true for a large landscape with graceful pine-trees on a hillock, which was close in style, format, composition, and the pattern of light spots characteristic to almost all Shishkin’s landscapes.

Identifying stylistic similarities between the picture in question and other authentic pieces by Shishkin was only one part of the task; another was to find evidence that the artist had indeed tried his hand at household scenes. When Shishkin was still a student at the Moscow School of Painting (1852-1855), studying under the mentorship of Alexei Venetsianov’s student Apollon Mokritsky, the beginning landscape artist painted the interior of his professor’s home, at the latter’s request. As is well known, the genre of interior scenes was one of the cornerstones of Venetsianov’s teaching method, and his students often tried their hands at genre painting leaving a legacy of pictures conveying the inimitable atmosphere, measured pace of life and domestic comfort characteristic of that living environment in the mid-19th century. Mokritsky taught his favorite student a great deal by way of the tradition of Venetsianov’s school: he taught him to be thoughtfully observant and mindful of the simplest things such as the ordinary living environment of a person, or the life of grass, flowers and trees.

Shishkin’s image of his room in his parents’ home in Elabuga from his early days as an artist (in the Shishkin House Museum in Elabuga) is well known, as is his picture “Inside a Peasant’s Hut” (Tretyakov Gallery), an etching “Lobby of a Country Home” (1890, Tretyakov Gallery), and an oil sketch “Courtyard of a Peasant’s Home” (from the 1860s, Russian Museum) featuring an enclosed space. Finally, Shishkin left remarkable images of the interior of his studio on Valaam Island where he worked with his close friend, the artist Alexander Giné (“Shishkin and Giné in Their Studio on Valaam”, 1860, Russian Museum). When they studied at the Academy, they came to Valaam every summer. The dates on the picture — “1858-59-60” — remind us that the studio was a very much lived-in place and the artists spent summers there for many years.

Thus, Shishkin did paint interior scenes, albeit not very often. Besides, many of his forest landscapes feature enclosed outdoor spaces, “forest interior scenes” of sorts. Throughout his life as an artist, Shishkin would every now and then introduce into a “pure” sylvan landscape a human figure or a whole group of figures,

Деревенский двор
Конец 1860-х
Холст, масло. 55 × 77
ГРМ

Courtyard of a Peasant’s Home
Late 1860s
Oil on canvas
55 × 77 cm
Russian Museum

¹ Ivan Ivanovich Shishkin. Correspondence. Journal. Memoirs of his contemporaries. Leningrad, 1978. P. 44. Further on referred to as the Correspondence. Compiled by Irina Shuvalova.

Небольшой холст с подписью «И.Шишкин» мне сначала довелось увидеть лишь в электронном варианте. В этой работе многое было необычным для Шишкина, и прежде всего сюжет: в залитой солнечным светом комнате против большого окна молодая женщина читает письмо. Ее одежда, прическа, детали обстановки свидетельствуют о том, что представленная сцена может относиться к 1860-м или к самому началу 1870-х годов. Дата на картине — 1870 — ничуть не противоречит характеру интерьера и облику изображенной. И тем не менее насколько достоверно, что картина действительно исполнена мастером лесных пейзажей? Необходимо было видеть ее, держать в руках, «прошупать» глазами, соотнести живописную систему, приемы с подлинными работами мастера, для того чтобы ответить на главный вопрос: «Шишкин ли это?», а вслед за тем понять, как у «певца леса» появился столь необычный для него «интерьерный» сюжет. Профессиональная любознательность музейщика требовала провести исследование как можно тщательнее, постараться довести его до логического завершения и лишь тогда произнести с уверенностью утвердительное «да» или отрицательное «нет». К сожалению, картина находилась не в московском собрании, а по-

Вид в окрестностях Петербурга. 1856
Холст, масло
66,5 × 96
ГРМ

A View Near St. Petersburg. 1856
Oil on canvas
66.5 × 96 cm
Russian Museum

тому не было возможности непосредственно соотнести ее с подлинными произведениями художника. Но обстоятельства благоприятствовали тому, чтобы увидеть и тщательно изучить эту работу.

Первое общее впечатление подлинности картины исходило от золотистого-теплого колорита, созвучного колористическим предпочтениям пейзажиста, особенно в начальную пору творчества. Невольно вспоминались слова Шишкина еще в бытность его учеником Императорской Академии художеств из письма родителям в Елабугу о пейзаже «Вид в окрестностях Петербурга» (1856, ГРМ), в котором «нужно было выразить теплоту воздуха и прозрачность его, влияние солнца на предметы»¹. В исследуемой картине именно это качество «теплоты воздуха», преображающей самый ординарный интерьер, придает обаяние простым предметам и всему изображению в целом. В большой степени обаяние исходит и от облика молодой женщины с письмом в руках. Свет заливает ее лицо, высветляет темный тон платья, ложится пятнами на пол. Благодаря освещению и нехитрым предметам обстановки — картинам на стенах, зеленым растениям, брошенной на кушетку шали — комната наполняется уютом.

Первое впечатление от картины чрезвычайно важно, но оно не может быть единственным доказательством подлинности авторства. Ведь эта небольшая работа представляет столь редкое в творчестве пейзажиста обращение к жанру интерьера с включением портретного изображения. Данное обстоятельство осложняло проведение прямых сюжетных или композиционных аналогий. Для того чтобы по возможности найти доказательства идентичных приемов письма, необходимо было провести тщательный анализ живописной системы произведения. При внимательном рассмотрении картины мазок, его движение по форме предметов, фактурные особенности и их разнообразие оказались сопоставимы и близки живописной манере подлинных работ Шишкина. Источившийся за многие годы красочный слой картины обнажил в некоторых местах авторский подготовительный рисунок, который хорошо «прочитывался» в складках белых занавесей, в одежде, в деталях интерьера, «выстраиваемого» художником на ранней стадии.

Важным элементом в сближении этой необычной работы с именем Шишкина стали изображенные на стене комнаты картины, сходные с работами мастера, особенно большой пейзаж

Пейзаж с гуляющими. 1869
Холст, масло
31,5 × 41,5
ГРМ

Promenading in the Forest. 1869
Oil on canvas
31.5 × 41.5 cm
Russian Museum

Прогулка в лесу. 1869
Холст, масло
34,3 × 43,3
ГТГ

A Walk in the Forest. 1869
Oil on canvas
34.3 × 43.3 cm
Tretyakov Gallery

often lending to some the features of a real person, as he did, for instance, in the painting “A Walk in the Forest” (1869, Tretyakov Gallery). Shishkin’s own traits are recognizable in the young gentleman leading a lady by the arm.

The scholarship on Shishkin contains references to “The Artist’s Apartment” (oil on canvas, 65 by 54 cm), a piece unknown to us, which in the 1950s was held in a private collection in Leningrad. The Shishkin scholar Ivan Pikulev references it in his list of Shishkin’s works.² Finally, a catalogue compiled by a Czech art historian Vladimir Fiala “Russian Paintings in the Collections of Czechoslovakia” references a painting “In Front of the Mirror” whose description coincides with the painting in question:

“The corner of a room. To the left, a long mirror set in a frame adorned with a flower pattern hangs over a dressing table. Further along the wall a window is seen, with white translucent curtains and houseplants behind them. There is a small table in the very corner, and a damask-lined armchair in front of the main wall. Three paintings hang on the wall: the biggest one appears to be a forest landscape by Shishkin. Between the small table and the armchair, facing the window, stands a young woman in a long dress, a letter in her hands. An unsealed envelope is at her feet. The picture’s colour scheme features light hues of yellow, brown and green; the colours, as well as the artist’s attention to detail, suggest that the picture was created in the 1860s. The image of the interior is distinguished by a skilled rendering of sun light streaming in through the curtains and casting, from spaces where the curtains part, bright spots on the floor.”³

It appeared that the search, having come full circle, had productively reached its conclusion. But any doubts regarding Shishkin’s authorship that remained were dispelled when this writer discovered, in Shishkin’s private archive, a list of photographs of his paintings he held in his studio, hand-written by the artist himself. Next to every entry the artist penciled a little sketch. Entry number two reads “Genre” and features a sketchy outline of the painting⁴ which we called “In Front of the Mirror. Reading a Letter”.

Thus a “new” Shishkin, previously unknown to us, was discovered.

But I also wanted to learn how the painting was created, to locate its place within the artist’s legacy and, finally, to identify the lady depicted. This writer felt an enormous temptation to identify her as Shishkin’s wife, especially since the cir-

² Ivan Pikulev. Ivan Ivanovich Shishkin. 1832-1898. Moscow, 1955. P. 219.

³ Fiala, Vladimir. Russian Paintings in Czechoslovakian Collections. Leningrad, 1974. P. 143, No. 461.

⁴ Russian Academy of Fine Arts, academic archive, fund 39 (I.I.Shishkin), folder 1, item 2, sheet 1.

с изображением стройных сосен на пригорке. Он оказался близок по общему замыслу, формату, композиции, распределению света и тени пейзажам Шишкина, исполнявшимся им на протяжении всей творческой жизни.

Помимо поиска формальных признаков сходства с подлинными работами пейзажиста желательно было найти свидетельства обращения художника к жанру интерьера. Еще в годы учебы Шишкина в Московском училище живописи и ваяния (1852–1855) начинающий пейзажист писал интерьеры комнат в доме своего наставника А.Н.Мокрицкого, ученика А.Г.Венецианова. Известно, насколько важен был интерьер в педагогической системе Венецианова, как часто его воспитанники обращались к такому роду живописи, передавая в своих произведениях неповторимое ощущение атмосферы, размеренного ритма жизни, домашнего уюта, в котором жил человек середины XIX столетия. Мокрицкий прививал своему любимому ученику многое из традиций венециановской школы, развивал у него вдумчивость, наблюдательность, внимательное отношение к самым простым вещам, будь то повседневное окружение человека или жизнь трав, цветов, деревьев.

Известен ранний рисунок Шишкина с изображением его комнаты в родительском доме в Елабуге (Дом-музей И.И.Шишкина, Елабуга), рисунок «Внутренность крестьянской избы» (ГТГ), офорт «Сени» (1890, ГТГ), живописный этюд «Деревенский двор» (конец 1860-х, ГРМ) с замкнутым «интерьерным» пространством. Наконец, Шишкин оставил замечательное живописное свидетельство вида и обстановки мастерской на Валааме, где он работал с близким другом А.В.Гине — «И.И.Шишкин и А.В.Гине в мастерской на острове Валааме» (1860, ГРМ). Будучи учениками Академии, они приезжали туда каждое лето. Об обжитости мастерской, о том, что художники из года в год проводили здесь летние месяцы, свидетельствуют даты, поставленные на картине: 1858-59-60. Таким образом, интерьерные изображения, хоть и не часты у Шишкина, но не единичны. Кроме того, многие из его лесных пейзажей представляют собой замкнутые природные пространства, своеобразные лесные интерьеры. Шишкин нередко вводил в «чистые» лесные пейзажи изображения людей или целых групп, зачастую передавая портретное сходство отдельных персонажей, как это сделано в картине «Прогулка в лесу» (1869, ГТГ): в молодом мужчине, ведущем под руку даму, можно узнать самого автора.

В литературе о Шишкине встречаются упоминания о неизвестной нам работе «В квартире художника» (холст, масло. 65 × 54). В 1950-е годы она находилась в частном собрании в Ленин-

Дорожка в лесу
1880
Холст, масло
59 × 48
ГРМ

A Path in the Forest
1880
Oil on canvas
59 × 48 cm
Russian Museum

² Пикелев И. Иван Иванович Шишкин. 1832–1898. М., 1955. С. 219.

³ Фиаля В. Русская живопись в собраниях Чехословакии. Л., 1974. С. 143, № 461 (далее – Фиаля).

⁴ Научно-библиографический архив РАХ. Ф. 39 (И.И. Шишкин). Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.

граде. Ее включил в список произведений Шишкина исследователь творчества художника И.Пикuleв². Наконец, чешский историк искусства Владимир Фиаля в каталоге «Русская живопись в собраниях Чехословакии» приводит описание работы «Перед зеркалом», соответствующее картине, о которой идет речь: «Угол комнаты. Слева над туалетным столиком висит высокое зеркало с рамой, украшенной растительным орнаментом. Далее в перспективе стены заметно окно, завешенное белыми прозрачными занавесями, за которыми видны комнатные растения. В самом углу стоит столик, а перед фронтальной стеной — штофное кресло. На стене висят три картины: в самой большой можно предполагать лесной пейзаж Шишкина. Между столиком и креслом — лицом к окну — стоит молодая женщина в длинном платье, она держит в руках

письмо. Распечатанный конверт лежит у ее ног. Картина написана в светлых тонах желтого, коричневого и зеленого; цвета, так же как и тщательность живописи, заставляют отнести ее к 1860-м гг. В интерьере хорошо передан солнечный свет, проникающий сквозь занавески и яркими пятнами падающий на пол через разрыв между ними»³.

Казалось бы, круг исследования благополучно завершился, но окончательно сомнения в авторстве художника развеялись благодаря обнаруженному в личном архивном фонде Шишкина автографу художника с перечислением фотографий картин, находившихся в его мастерской. Напротив каждой отснятой работы художник сделал легкий карандашный рисунок. Под № 2 значится «Жанр» и зарисовка картины⁴, которую мы назвали «Перед зеркалом. За чтением письма».

Ручей в березовом лесу. 1883
Холст, масло
105 × 153
ГРМ

A Brook in a Birch Forest. 1883
Oil on canvas
105 × 153 cm
Russian Museum

cumstances of his life seemed to call for such association.

The year when the picture was created — 1870 — was quite a lucky one for Shishkin both as an artist and as a man. At the very end of 1869 Pavel Tretyakov bought his painting “Noon. Near Moscow”, which laid the foundation for the collection of Shishkin’s works at the Gallery. In the spring of 1870 the Society for Encouragement of Artists awarded Shishkin a First Prize for the landscape “A Brook in the Forest” (Odessa Art Museum).

In the autumn of the same year the painter became one of the founders of the “Peredvizhniki” (Wanderers) Exhibition Society. Also, in the mid-summer Shishkin received an order for a large album of watercolour views of Nizhny Novgorod, which was to be presented to Emperor Alexander II. To fulfill this commission, the artist left St. Petersburg for several months.

Comparison of the image of the young woman reading a letter with photographs of Shishkin’s wife Yevgenia Alexandrovna, née Vasilieva, strongly suggests that she is the woman featured in the painting.

In 1866 Shishkin became close friends with a young and exceptionally talented landscape artist Fyodor Vasiliev, who became his student. Soon Shishkin was introduced to Vasiliev’s entire family; Yevgenia was the sister of Shishkin’s gifted student.

The two wed in October 1868, and in February next year had a daughter, whom they named Lydia. As Shishkin’s friends remembered, “Ivan Ivanovich was a natural born family man: when he was away from his family, his mind was never at peace, he was barely able to work, always worrying that back home someone could have fallen ill or something bad could have happened”.⁵

As a home-maker, “he was unrivaled, creating a comfortable and eye-pleasing environment out of nothing”. Happy with his family, Shishkin adored his wife and children for whom “he was the most affectionate and loving father”. He spent the few years he was to live with Yevgenia working quietly and at peace with himself. And when he was not working, the Shishkins often received friends and played games: “Ivan Ivanovich was the most cordial host and the life of the party”.⁶

In the summer months, when Shishkin left for Valaam, or lived near Moscow, or visited his parents in Elabuga, he waited anxiously for letters from “dear Zhenya”, and worried and fretted when a letter did not come on time. When, in 1870, he spent the summer in Nizhny Novgorod, the artist, concerned about his wife’s health, begged her to write him more often. An illness had already begun to afflict her in the first year of their marriage.⁷

For someone knowing the facts of Shishkin’s life it seems only natural that

he created the painting “In Front of the Mirror”, so untypical for a landscape artist — it could have been a “consolation” of sorts for the artist himself and for his “devoted and affectionate” wife Yevgenia. The painting has very personal and even intimate overtones.

For many years the picture was held by the Shishkin family, then by the artist’s daughter Lydia; in the early 1930s it was sold to a famous Czech collector Millerov, and after his death, inherited by the collector’s widow⁸.

This thoroughly charming picture is distinguished by an astonishing combination of Shishkin’s mentor Mokritsky’s influences, Venetsianov’s tradition of household scenes and the even older impact of the Dutch masters of the 17th-18th centuries with their love for homely comfort and a measured pace of life.

Shishkin’s “genre” broadens our knowledge of the scope of the talent and artistic interests of the master of powerful forest landscapes, and adds a new important touch to his legacy.

⁵ Correspondence. P. 311.

⁶ Ibid.

⁷ Like her younger brother, Yevgenia Shishkina (1847-1874) died from consumption, surviving Fyodor by one year only. Shishkin was deeply affected by the demise of his beloved wife and his dearest friend Fyodor.

⁸ See Fiala, p. 143.

Крестьянка, сходящая с лестницы. 1875
Травленный штрих, пропечатывание, рулетка. 20,6 × 13,3
ГТГ

A Peasant Woman Coming Downstairs 1875
Etching, printing press, ruler. 20.6 × 13.3 cm
Tretyakov Gallery

Сени. 1890
Травленный штрих, рулетка, акватинта 30,3 × 20,4
ГТГ

Lobby of a Country Home. 1890
Etching, ruler, aquatint 30.3 × 20.4 cm
Tretyakov Gallery

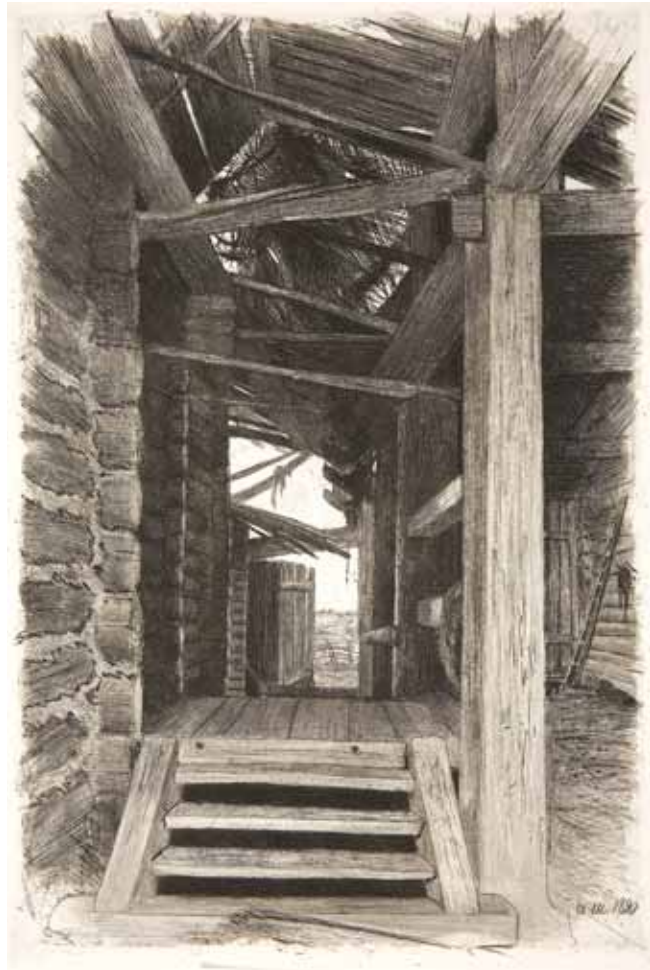
Открытие «нового», неведомого нам ранее Шишкина состоялось. Предстояло реконструировать историю возникновения работы, поставить ее в определенный ряд произведений художника и, наконец, дать имя изображенной даме. Очень хотелось увидеть в ней жену Шишкина, тем более что обстоятельства жизни мастера давали к этому повод.

1870 год, когда была исполнена картина, в творческой и личной судьбе художника складывался вполне удачно. В самом конце 1869-го П.М.Третьяков приобрел полотно «Полдень. В окрестностях Москвы», положившее начало основательной коллекции произведений художника в Третьяковской галерее. Весной 1870-го Шишкин получил первую премию Общества поощрения художников за пейзаж «Ручей в лесу» (Одесский художественный музей), осенью стал одним из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок, а еще в середине лета получил заказ на исполнение большого альбома акварельных видов Нижнего Новгорода для поднесения императору Александру II. В связи с этим заказом пейзажист на несколько месяцев уехал из Петербурга.

Сравнение изображенной на картине молодой женщины с фотографиями Евгении Александровны Шишкиной (урожденной Васильевой) дает право утверждать, что художник сделал ее героиней своего произведения.

В 1866 году он близко сошелся с юным и в высшей степени талантливым пейзажистом Ф.А.Васильевым, который стал первым его учеником. Вскоре Шишкин познакомился со всей семьей Васильевых, в том числе с родной сестрой своего одаренного друга. Евгения Александровна и Иван Иванович обвенчались в октябре 1868 года, в 1870-м у них родилась дочь Лидия, а в 1871-м — сын Владимир. По воспоминаниям близких Шишкину людей, «по своему характеру Иван Иванович был рожден семейником; вдали от своих он никогда не был спокоен, почти не мог работать, ему постоянно казалось, что дома непременно кто-нибудь болен, что-нибудь случилось»⁵. В устройстве домашней жизни «он не имел соперников, создавая почти из ничего удобную и красивую обстановку»⁶. Шишкин с большой теплотой относился к жене и детям, для которых был нежным, любящим отцом. Недолгие годы жизни с Евгенией Александровной прошли в тихой и мирной работе, но в свободные дни и вечера в доме часто собирались друзья, устраивались игры, и «Иван Иванович был самым радужным хозяином и душой общества»⁷.

Летом, уезжая работать на Валаам, в окрестности Москвы, к родным в Елабугу, он с нетерпением ждал писем от «милой Жени», сердился и переживал, если они задерживались. Когда в 1870 году Шишкин уехал на летние месяцы в Нижний Новгород, он умо-

лял жену писать чаще, беспокоясь о ее здоровье. Евгения Александровна начала прихварывать уже в первый год замужества⁸.

Подробности семейной жизни Шишкина объясняют естественность появления у него столь неожиданной для пейзажиста работы. Она могла быть написана как своеобразное утешение для самого художника и его преданной и любящей супруги. Картина носит очень личный и даже интимный характер.

История бытования этого произведения свидетельствует о том, что оно многие годы находилось в доме Шишкиных, затем хранилось у Лидии Ивановны Шишкиной, в начале 1930-х годов было продано известному чешскому коллекционеру Миллерову, а после его смерти хранилось у его вдовы⁹.

В этом полном обаянии произведении удивительным образом соединились уроки, усвоенные Шишкиным от Мокрицкого, традиции венециановского интерьерного жанра и еще более давняя «память» об искусстве «малых голландцев» с их любовью к домашнему уюту и размеренному течению жизни. «Жанр» Шишкина расширяет наше представление о границах дарования, художественных интересах мастера могучих лесных пейзажей и вносит еще один существенный и важный акцент в творческое наследие выдающегося пейзажиста.

⁵ Переписка. С. 311.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Евгения Александровна (1847–1874), как и ее младший брат, умерла от чахотки. Уход из жизни этих близких ему людей Шишкин глубоко и тяжело переживал.

⁹ См. Фiala. С. 143.